

Экономическая политика и хозяйственная практика

В ожидании «русского чуда» (итоги послекризисного роста и ближайшие перспективы)

© А.Р. Белоусов, 2002

На основе анализа экономических показателей российской экономики за три послекризисных года оцениваются тенденции и перспективы ее развития. На содержательном уровне рассмотрена модель так называемой посткризисной экономики России.

1. Рост или развитие?

Результаты российского экономического подъема трех послекризисных лет выглядят фантастически блестящими. Валовой внутренний продукт (ВВП) увеличился на одну пятую (см. табл. 1) – как в динамично развивающихся азиатских странах (для сравнения: по данным МВФ, мировой объем ВВП за 1999–2001 гг. возрос на 11%, в том числе в странах с развитой экономикой – на 9%). Промышленное производство увеличилось на треть, выйдя на уровень 1994 г., продукция машиностроения – в 1,5 раза. На треть возросли инвестиции, что уже само по себе указывает на позитивные тенденции. Даже в сельском хозяйстве, отличающемся большой инерционностью, объем продукции увеличился почти на 20%.

Принципиально важные изменения произошли в денежной и финансовой сферах. Доходы федерального бюджета повысились в реальном выражении на 71%, что нисколько не помешало росту, но позволило ликвидировать бюджетный дефицит. Реальная денежная масса выросла на 78%. В результате экономика перешла в новое качество: она стала монетизированной, синдром «неплатежей и бартера» остался, можно надеяться, в прошлом.

Трудно не поддаться эйфории экономического подъема. Возникает ощущение фронтального прорыва, мощного импульса обновления, захватывающего не только экономику, но и сопряженные сферы общественной жизни. Как-то незаметно на второй план отошли главные вопросы: насколько российская экономика стала жизнеспособной и устойчивой по отношению

Таблица 1

Макроэкономические показатели развития экономики России в 1999–2001 гг.
(темпы прироста, %)

Показатели	1999 г.	2000 г.	2001 г. оценка ¹	Итого за три года	Соотношение уровня 2001 г. к:	
					1997 г.	1990 г.
Валовой внутренний продукт	5,4	8,3	5,5	20,4	14,5	–31
Продукция промышленности ²	11,0	11,9	5,8	31,4	24,6	–40
Топливо-энергетические отрасли	1,1	3,9	3,9	9,2	6,4	–25
Сырьевые отрасли	15,7	14,4	3,1	36,5	29,6	–40
Машиностроение	17,2	20,0	8,0	51,9	38,7	–50
Потребительские отрасли	4,4	15,1	6,8	28,3	27,8	–54
Продукция сельского хозяйства	4,1	7,0	7,0	19,2	3,5	–33
Реальные располагаемые денежные доходы населения	–14,2	9,3	6,5	–0,1	–16,4	–40
Оборот розничной торговли	–7,7	8,7	10,0	10,4	6,7	+0,4
Инвестиции в основной капитал	5,3	17,4	8,0	33,5	17,5	–72
Доходы федерального бюджета ³	14,7	33,6	11,5	70,9	39,5	–
Расходы федерального бюджета ³	–14,2	4,4	16,5	4,3	–2,9	–
Из них непроцентные расходы	8,0	13,6	12,6	38,1	–18,8	–
Денежная масса (M ₂), на конец года ³	15,2	35,1	14,4	78,0	12,6	–

¹ Оценки Минэкономразвития и торговли и Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования по итогам января–августа 2001 г.

² В сопоставимых ценах 1999 г.

³ В реальном выражении; показатели бюджета рассчитаны по дефлятору ВВП, денежной массы – по индексу потребительских цен.

к сегодняшним и завтрашним реалиям мирового хозяйства? насколько энергия подъема соразмерна масштабным угрозам, которые идут «из прошлого» (наращивание внешнего долга, недоинвестирование, «проедание» основного капитала, деградация инфраструктуры, подрыв социальных систем и т.д. и т.п. – это наследие 1990-х годов существенно определяет возможности будущего) и «из будущего» (тенденции переустройства мира, борьба за ресурсы, ужесточающиеся условия конкуренции)?

за счет чего же развивается российская экономика в контексте новой волны глобализации?

Рост и развитие – явления далеко не тождественные. По большому счету сегодня важно уже не наращивание масштабов производства, пресловутого «ВВП на душу населения». Экономический рост – категория уходящей индустриальной эпохи, когда развитие происходило преимущественно в формате национальных хозяйств. Глобализация плюс взаимодействие индуст-

риального и постиндустриального укладов, образующих современные системы квазинациональных экономик, выдвигают совершенно иные системные требования и критерии. Главным становится уже не рост, а качественные приращения, расширяющие способность экономики к обновлению, реагированию на разнообразные внешние вызовы, развитию в условиях резко возросшей неопределенности. Другими словами, ключевым становится накопление адаптационного потенциала (который теперь понимается как потенциал развития), интегрирующего организационную, человеческую, финансовую, инновационную, технологическую и рефлексивную компоненты и позволяющего национальной экономике гибко адаптироваться к динамичным изменениям мирового хозяйства, внутренним и внешним вызовам, ресурсным ограничениям, а национальным корпорациям – успешно оперировать в условиях глобальной конкуренции.

В принципе любая национальная экономика сегодня поставлена перед стратегическим выбором: либо формировать и развивать адаптационный потенциал (если для этого есть возможности; это весьма дорого, но зато позволяет реализовывать собственные национальные проекты и сохранять национальную идентичность), либо отказаться от наращивания адаптационного потенциала и превратиться в «младшего партнера» по отношению к тому или иному лидеру. Это дешевле и высвобождает ресурсы для индустриального роста. Платой в любом случае является частичный отказ от суверенитета и та или иная форма экономической нагрузки (технологическая рента). Можно вообще попробовать играть по другим правилам, опираясь на конкрет-

ные ресурсы (социальные, цивилизационные, геополитические, природные и др.). Последний вариант требует социальной мобилизации (эффективность которой сомнительна в современных условиях) и чреват повышенной конфликтностью.

Выбор между первым и вторым вариантами состоит прежде всего в том, есть ли возможность преодолеть «порог конкурентоспособности», который по мере развития технологий, человеческого капитала и форм организации становится все более высоким и труднопреодолимым. Граница между вторым и третьим вариантами – в наличии цивилизационного потенциала, готовности элит его мобилизовать и использовать для прорыва.

Буквально на наших глазах этот выбор стал остроактуальным.

События 11 сентября показывают, что глобальные процессы вошли в новую фазу. Распад в конце 80-х годов двухблоковой конструкции мироустройства привел, с одной стороны, к высвобождению колоссального накопленного конфликтного потенциала (энергетика которого подпитывается социальным неравенством, демографическими и экологическими проблемами, ограниченностью ресурсов и т.д.), а с другой – к ослаблению контроля над «мировой энтропией», усилению хаоса Юга и Глубокого Юга, снижению легитимности и эффективности наднациональных политических и экономических институтов, ослаблению роли национальных государств как субъектов международной политики. Одновременно резко возросла роль глобальных «теневых» игроков (ТНК, ТНБ, «черные» и «серые» картели, квазигосударственные образования и т.п.), деятельность которых не имеет достаточных леги-

тимных основ и слабо поддается регулированию, повысилась значимость силовой компоненты.

Мир остро нуждается в новом порядке, новых глобальных «правилах игры» и механизмах контроля. Реакцией на это стало **выдвижение двух метапроектов развития**. Первый – финансовая глобализация в качестве инструмента установления нового порядка и контроля, легитимации новых институтов наднационального регулирования. Второй – мобилизация цивилизационных ресурсов и попытка создать на этой основе анклав развития новой цивилизации.

В данном контексте смысл событий 11 сентября имеет двойной характер. С одной стороны, это сильнейший удар по институтам политического устройства «ялтинско-хельсинкского» мира, которые оказались не приспособленными к подобным эксцессам и вызовам. Излишне напоминать, что существующие экономические институты мирового хозяйства, образующие каркас его экономического порядка, неразрывно связаны с данными наднациональными политическими институтами. С другой стороны, эти события явились мощным катализатором становления нового мирового порядка, формирования новых, глобальных «правил игры» и новых механизмов.

Применительно к экономике это означает, что с известной вероятностью на волне консолидации стран в «борьбе с терроризмом» ускорится реструктуризация мирового финансового пространства. Речь идет, в частности, о возможном формировании глобальных финансовых механизмов, обсуждение которых имело в последние годы полуакадемический характер:

разделение валют на «твердые» и «слабые», введение режимов привязки вторых к первым (типа *currency board*);

создание наднациональных систем финансового контроля за движением капитала, включая ограничения на операции в оффшорных зонах, изменение статуса коммерческой и банковской тайны и др.;

распространение универсальных стандартов и правил регулирования потоков капитала, подкрепленных системой страновых рейтингов, механизмов «коллективной ответственности инвесторов» и др.;

легитимация конверсии долгов в собственность;

изменение характера и статуса международных финансовых институтов и др.

Становление новых финансовых механизмов существенно усложнит наращивание адаптационного потенциала для стран, имеющих сырьевую специализацию, тем более что в обозримом будущем вероятно закрепление мировых цен на нефть в диапазоне 18–22 долл. за баррель (*Urals*), что на 15–20% ниже уровня последних полутора-двух лет. Для России дополнительные сложности развертывания адаптационного потенциала возникают и в связи с возможными ограничениями экспорта вооружений и другой высокотехнологичной продукции в страны Юга.

В то же время Россия получила уникальную возможность осуществить широкий маневр в экономической политике, нацеленный на модернизацию и наращивание адаптационного потенциала, поскольку сегодня становление нового, устойчивого миропорядка немыслимо без ее активного участия. Геополитический формат нового миропорядка не может не подкрепляться адекватным геоэкономическим

форматом. Иными словами, «использование» России как фактора стабильности на евроазиатском пространстве предполагает как минимум:

укрепление экономической интеграции на пространстве СНГ;

снятие ограничений для интеграции российской экономики в западную, прежде всего европейскую, экономику;

кооперацию российского высокотехнологического потенциала с соответствующими структурами западных экономик (например, подключение российского ВПК к международным военно-техническим программам).

Сегодня российская экономика не готова к такой роли. Она не просто технологически устарела – она раздроблена на уклады, переток ресурсов между которыми затруднен. Переход к полноценному экономическому развитию (в котором сегодня, похоже, вдруг стал заинтересован Запад) предполагает выполнение, по крайней мере, следующих условий.

1. Должен сложиться механизм взаимодействия расширенного индустриального производства, доходов и конечного спроса (производство генерирует доходы; доходы, пройдя по каналам распределения и перераспределения, формируют конечный спрос; рост конечного спроса определяет масштабы расширения производства). Сегодня такой механизм в силу ряда причин отсутствует.

2. Требуется консенсус элит и ведущих социальных групп по поводу целей развития и способов их достижения. Развитие всегда сопровождается структурной ломкой, перераспределением ресурсов, нарастанием дифференциации между сегментами хозяйства, территориями, социальными группами. Выигрыш одних сопровождается

относительным проигрышем других. Это, в частности, предполагает ясную перспективу: что выиграют от экономического роста того или иного типа конкретные социальные группы, какова «цена» роста и кто эту «цену» заплатит.

3. Жизненные перспективы массовых социальных слоев и групп, статусные возможности, стратегические интересы должны быть замкнуты на цели развития. Должны возникнуть новые механизмы вертикальной социальной мобильности. Только в такой среде проявляются конструктивные предпринимательские мотивации, инвестиционные импульсы и социальное партнерство.

4. Развитие имеет принципиально «укладный» характер. Необходимо сформировать ведущий производственно-хозяйственный уклад – группы взаимосвязанных производств и институтов, образующих системное целое, обладающее не только мощным потенциалом роста, но и достаточной критической массой для качественного преобразования экономики.

5. Необходимо найти гармоничное сочетание между экономическим развитием и встраиванием в процесс экономической глобализации. Модель экономического развития – это одновременно и модель определения доминанты геоэкономической ориентации страны, реализации ее сравнительных преимуществ, «разыгрывания» ее стратегического ресурса в формате мирового хозяйства.

6. Мобилизация структурных, технологических и социальных источников повышения эффективности становится не только предпосылкой, но и содержанием роста, одним из его ключевых ориентиров. Требуется найти институциональные, эконо-

мические и организационные формы интеграции индустриального и постиндустриального укладов, формирования национальной инновационной системы (которой сегодня просто нет) и ее включения в контуры расширенного воспроизводства.

Если с этой точки зрения взглянуть на экономический рост последних трех лет, то ключевым становится вопрос не его темпов, а характера формирующейся модели экономики и ее способности к динамичному (не ниже 4–5% в год – столько нужно, чтобы иметь достаточные ресурсы для обеспечения устойчивости) развитию.

Но прежде все же попробуем разобраться в механизме экономического подъема, наблюдавшегося в 1999–2001 гг.

2. Три волны экономического подъема

«Послекризисный» экономический подъем на самом деле состоял из трех волн, различающихся факторами роста, механизмами и ведущими секторами.

Первая волна была вызвана наступившим непосредственно после девальвации шоком. Она продолжалась с октября 1998 по июль 1999 г. и характеризовалась очень интенсивным промышленным ростом – в среднем 2,1% за месяц (табл. 2). И по динамике, и по структуре экономической подъем имел восстановительный характер, компенсируя предшествующий спад в мае–сентябре 1998 г.

Парадокс состоял в том, что на фоне подъема производства конечный спрос имел тенденцию к снижению в части как потребления населения, так и экспорта. Были задействованы следующие источники, обеспечивающие оживление конъюнктуры.

1. Замещение импорта. Возможность замещения импорта была обусловлена как девальвацией рубля, сократившей импорт примерно вдвое и создавшей «ценовой зонтик» над отечественными производителями товаров, так и ослаблением затратообразующих факторов (снижением относительных цен на продукцию естественных монополий и реальной заработной платы).

Таблица 2

**Характеристика трех волн экономического подъема
(среднемесячные темпы прироста, сезонность устранена, %)**

Показатели	Период, годы	Рост 10.1998– 07.1999	Стабили- зация 08.1999– 11.1999	Рост 12.1999– 08.2000	Стабили- зация 09.2000– 01.2001	Рост с 02.2001
Валовой внутренний продукт		1,4	0,1	1,0	0,3	0,7
Среднесуточный выпуск промышленной продукции		2,1	0,8	1,2	-0,2	1,0
Внутренний конечный спрос на товары		-0,5	0,3	1,3	0,0	1,4
Оборот розничной торговли		-1,1	0,3	0,9	0,3	1,3
Инвестиции в основной капитал		1,1	0,1	2,0	-0,6	1,5
Экспорт товаров		-0,8	-2,8	2,0	0,1	-0,4
Импорт товаров		-3,9	1,7	1,0	-0,2	3,7
Реальные располагаемые доходы населения		-0,3	1,0	1,0	-0,9	1,9

2. Рост доходов предприятий. Такой рост был вызван рядом причин: девальвацией рубля, стабильностью цен естественных монополий, снижением реальной заработной платы. Если в 1998 г. промышленность в целом была убыточной, то уже в первом квартале 1999 г. она вышла на норму прибыли 11–13%, а во втором квартале – 14–18%. Рост доходов предприятий стимулировал увеличение инвестиций как в оборотный, так и в основной капитал.

3. Наличие свободных промышленных мощностей. Уровень использования мощностей (без учета добывающих отраслей) составлял в 1997–1998 гг. 39%, в 1999 г. он увеличился до 44%, в 2000 г. – до 50%.

В итоге выигрывают все группы отраслей: сырьевые, так как стали увеличиваться производственные запасы и возросла конкурентоспособность на внешнем рынке, и конечные, так как резко сократился импорт и начался инвестиционный рост. Основной вклад в прирост промышленной продукции внесло машиностроение (57%; см. табл. 3) и сырьевые отрасли (30%) при весьма умеренной роли потребительских отраслей.

Исчерпание потенциала «поверхностного импортозамещения» обусловило прекращение подъема в августе 1999 г. С учетом сезонных колебаний темпы прироста ВВП снизились до стагнационного уровня – 0,1% в месяц.

Катализатором **второй волны** подъема производства стал нефтяной шок – повышение мировых цен на российскую нефть примерно в 2,5 раза, начавшееся во втором и закончившееся в четвертом квартале 1999 г. Эта волна продолжалась девять месяцев – с декабря 1999 по август 2000 г. Возобновившийся рост ВВП составлял 1,0% в месяц, а рост среднесуточного промышленного производства – 1,2% в месяц.

Источником второй волны в отличие от первой стал рост внутреннего и внешнего конечного спроса, прямо или опосредованно связанный с благоприятной мировой конъюнктурой.

1. Начался интенсивный (на 2% в месяц в физическом выражении) рост экспорта, отреагировавшего на улучшение мировой конъюнктуры и повышение конкурентоспособности сырьевых отраслей.

Таблица 3

**Вклад отдельных групп отраслей в прирост промышленного производства
(сезонность устранена, %)**

Показатели	Первая волна – «девальвационная» 10.1998–07.1999	Вторая волна – «нефтяная» 12.1999–08.2000	Третья волна с 02.2001
Прирост среднесуточного выпуска промышленной продукции, всего	100	100	100
Экспортно-ориентированные отрасли	30	45	23
Машиностроение	57	31	28
Потребительские отрасли	11	19	36
Другие отрасли	2	6	13

2. Предприятия, нарастив производственные запасы, переключили доходы на инвестиции в основной капитал, причем инвестировали в основном сырьевые отрасли опять же за счет доходов, полученных от экспорта. Резко выросли инвестиции за счет региональных бюджетов. Инвестиционный бум «потянул» за собой рост спроса на машины, технологическое оборудование, конструкционные материалы.

3. Начался восстановительный рост реальной заработной платы, составивший 1,6% в среднем за месяц (сезонность устранена). В известной степени он опирался на расширение объемов производства (рост производительности труда). Но ключевой момент состоял в том, что пространство для роста заработной платы составила вилка между потребительскими ценами, которые росли на 1,5% в месяц, и ценами производителей – на 2,6% в месяц. Благодаря этой вилке повышение номинальной заработной платы обгоняло рост потребительских цен, не создавая нагрузки на издержки предприятий. Рост заработной платы стимулировал расширение потребительского спроса, ставшее еще одним источником экономического подъема.

Различные сегменты российской промышленности смогли «зацепиться» за расширение конечного спроса, хотя и в весьма неодинаковой степени. Около 45% прироста промышленной продукции было обеспечено экспортно-ориентированными сырьевыми отраслями. Менее трети пришлось на машиностроение и около одной пятой – на потребительские отрасли (см. табл. 3).

Вторая волна показала зыбкость действовавших источников экономического подъема. Подавляющее большинство

предприятий конечных отраслей (по опросам, около 80%) не смогли использовать паузу для того, чтобы осуществить технологическую модернизацию и повысить конкурентоспособность. Поэтому они оказались уязвимы для экспансии импорта, которая началась во второй половине 1999 г. и особенно активно в первой половине 2000 г. – по мере расширения внутреннего спроса и укрепления рубля. В топливных и сырьевых отраслях началось снижение доходов, «сдавливаемых» с разных сторон повышением реального обменного курса рубля и цен естественных монополий. Это привело к прекращению инвестиционного бума – важнейшего двигателя промышленного подъема. К осени 2000 г. вторая волна подъема полностью исчерпалась.

Третья волна принципиально отличается от первых двух. Во-первых, она не связана с каким-либо экономическим шоком, что в известной степени может свидетельствовать о качественных переменах, происходящих в российской экономике. Во-вторых, она всецело опирается на внутренний спрос.

Эта волна началась в первом квартале 2001 г., но особенно четко проявилась во втором. Среднемесячные темпы прироста ВВП составили 0,7% (февраль–август, сезонность устранена), промышленного выпуска – 1,0%. В основе этой волны лежат два движущих фактора.

Первый – возобновившийся рост реальных доходов населения, опирающийся на повышение заработной платы и пенсий. Он повлек за собой увеличение потребительских расходов прежде всего в части непродовольственных товаров. Надо отметить, что в течение всего первого полуго-

дия спрос на непродовольственные товары возростал фантастическим темпом – 2,5% в месяц, почти вдвое быстрее реальных доходов населения.

Второй – инвестиции в основной капитал, темпы прироста которых повысились до 1,5% в месяц. Характерно, что в отличие от инвестиционного бума второй волны активизация инвестиций произошла на фоне заметного снижения доходов предприятий, прежде всего экспортно-ориентированных сырьевых отраслей. Однако параллельно идет сокращение чистого оттока капитала за рубеж – с 3,1 млрд долл. в месяц в первом квартале до 1,5 млрд долл. во втором и 1,0 млрд долл. в третьем, что, по-видимому, и становится движущей силой нынешнего инвестиционного подъема.

Отсюда смена ведущих секторов промышленности, обусловивших промышленный подъем. Почти две трети прироста среднесуточного выпуска промышленной продукции обеспечили конечные отрасли, причем более трети – потребительские (легкая и пищевая промышленность; см. табл. 3). На долю экспортно-ориентированных отраслей пришлось менее четверти прироста промышленной продукции.

К сожалению, судя по развитию экономической ситуации во второй половине 2001 г., энергетика третьей волны оказалась не очень большой. Анализ структуры промышленного подъема свидетельствует о том, что он, похоже, выдыхается. В топливно-энергетическом комплексе динамика производства упала до уровня, граничащего со стагнацией. Прекратился рост в сырьевых отраслях, что напрямую отражает угасание экспорта. Промышленный подъем пока еще «вытягивают» конечные отрасли, но это происходит на фоне резко-

го замедления роста внутреннего конечного спроса. Просматриваются три вида угроз, которые могут прервать экономическое оживление.

1. Рост конкурирующего импорта, весьма успешно отвоевывающего внутренний рынок. За январь–август 2001 г. прирост импорта по сравнению с соответствующим периодом 2000 г. составил, по оценке, 19%, что почти в 4(!) раза превышает прирост производства промышленной продукции.

2. Новая волна инфляции издержек, формирующаяся в затратообразующих отраслях. Прежде всего это состоявшееся в июне–августе 2001 г. повышение цен на газ и тарифов на грузовые перевозки. Это повышение пока еще не вызвало, но вполне может уже в скором будущем вызвать рост цен в электроэнергетике и в сырьевых отраслях. Тогда волна повышения цен неизбежно докатится по технологическим цепочкам до машиностроения и строительства. А это с большой вероятностью погасит инвестиционную активность. Кроме того, ее погасит сезонное повышение цен в аграрном секторе. За июль–август 2001 г. (по сравнению с июнем) прирост цен на продукцию сельского хозяйства, измеренный по ее дефлятору, составил 70,1%. Такой скачок, очевидно, отразится на динамике цен в пищевой промышленности, а следом – и на потребительском рынке.

3. Падение доходов промышленных предприятий. В середине 2001 года норма прибыли (к валовому выпуску) в промышленности снизилась по сравнению с предшествующим годом почти вдвое (с 18 до 10%). При дальнейшем развитии этой тенденции рассчитывать на сохранение инвестиционного подъема вряд ли приходится.

3. Послекризисная модель экономики

Главный результат трех послекризисных волн подъема – формирование новой модели экономики с новыми ресурсами и ограничениями роста.

Впервые за годы реформ образовался контур расширенного воспроизводства. Со стороны спроса он опирается на потребление населения, а со стороны предложения – на производство потребительских товаров (прежде всего в связке «сельское хозяйство – пищевая промышленность»).

Схематично этот контур функционирует следующим образом. Рост реальных доходов населения стимулирует потребительский спрос. Возникает пространство с быстро оборачиваемыми инвестициями, в которое направляются «сырьевые» капиталы. Появляется еще один вектор спроса – инвестиционный. Потребительский и инвестиционный спрос захватывает достаточно широкий сегмент конечных отраслей, чтобы обеспечить рост производства и соответственно доходов. При условии, что будет расти производительность труда и конкурентоспособность отечественного производства, такой контур роста становится самоподдерживающимся.

Резко возросли валовые национальные сбережения, представляющие собой инвестиционный потенциал экономики. Их величина в 2000–2001 гг. достигла трети ВВП. С точки зрения объема капиталов российская экономика сегодня не нуждается в иностранных инвестициях – проблема в «освоении» собственных ресурсов. Доля валовых сбережений для инвестиций со-

ставляет лишь 55–60%, остальное приходится на вывоз капитала и образование валютных резервов.

Усилилась зависимость экономики от внешних факторов, в частности от конъюнктуры мировых рынков сырья. Эта зависимость прослеживается по нескольким направлениям:

в формировании конечного спроса на товары российских производителей (доля экспорта составляет около 40%);

в формировании доходов предприятий (доля доходов от экспорта в прибыли промышленности оценивается в 65–70%);

в формировании денежного предложения, которое сейчас практически целиком определяется операциями ЦБ РФ с валютными резервами.

Экономика стала значительно более монетизированной. По опросам, доля бартера сегодня составляет 14–15%, в то время как в докризисный период его доля достигала 50%. Соответственно усилилась зависимость динамики производства от масштабов и условий денежного предложения. В обеспечении промышленного подъема резко возросла роль банковской системы (кредитования предприятий).

Наконец, изменилась организационная структура экономики. В предкризисный период в ней доминировали три основных уклада: 1) транснациональный, интегрированный в мировое хозяйство; 2) региональные экономические анклав; 3) инфраструктурные монополии. В послекризисный период в этой области наметились две группы изменений:

интеграция транснационального уклада с внутренне ориентированными производствами, что крайне важно с точки зрения перелива капитала;

«диффузия» региональных экономических анклавов под воздействием экспансии крупных корпораций и усиления кооперационных связей конечных производств.

Ключевая проблема роста в рамках послекризисной модели экономики состоит в асимметричности конечного спроса, производства и доходов. Сдвиги в распределении доходов не порождают соответствующего расширения конечного спроса, что тормозит экономический подъем. Можно выделить несколько очагов такого торможения.

1. Отмеченный выше структурный сдвиг от потребления к сбережению сегодня «не работает» на экономический рост. Валовые сбережения оказались «заперты» в экспортно-ориентированном секторе, где возник избыток инвестиционных ресурсов (по крайней мере, по сравнению с готовностью экспортного сектора инвестировать их в экономику). Экспортно-ориентированные сырьевые отрасли сконцентрировали три четверти валовой прибыли промышленности и почти столько же инвестиций в основной капитал. Соответственно на долю внутренне ориентированного сектора (перерабатывающая промышленность) приходится лишь около четверти валовой прибыли и инвестиций. В результате в условиях «инвестиционного бума» 2000 г. инвестиции в экспортно-ориентированном секторе выросли на 39%, а во внутренне ориентированном секторе сократились на 20%.

Такая ситуация, с одной стороны, стимулирует вывоз капитала, с другой – закрепляет сырьевую ориентацию российской экономики и низкую конкурентоспособность ее перерабатывающих отраслей.

2. Проявляется структурная несбалансированность между потреблением и про-

изводством. Потребление остается одним из ведущих элементов конечного спроса. Поэтому принципиально важно, в какой мере расширение потребительского спроса вызывает ответный импульс производства. Сегодня потребительский сектор без соответствующей модернизации производственного аппарата не способен адекватно реагировать на расширение спроса. Из-за недостаточной мобильности потребительских отраслей цепочка «производство – доходы – конечный спрос» оказывается разомкнутой, а соответствующий разрыв заполняется импортом.

3. Фактором, сдерживающим рост, является асимметрия между концентрацией доходов экономики в государственном бюджете и уровнем государственного спроса. Рост доли налогов в ВВП означает, что все большая часть совокупных доходов концентрируется в бюджете. Это, однако, не порождает расширения спроса в результате поддержания профицита бюджета, связанного с погашением внешнего долга и стерилизацией денежной эмиссии.

4. Воспроизводится коллизия между поддержанием ценовой конкурентоспособности, расширением спроса и инфляцией. Сегодня российская экономика с трудом «переваривает» тот приток валюты (4–4,5 млрд долл. в месяц), который обусловлен активным сальдо торгового баланса. Проблема в том, что этот приток не конвертируется во внутренние инвестиции и рост конкурентоспособности. В результате экономика постоянно балансирует между: а) чрезмерным укреплением рубля и утратой ценовой конкурентоспособности отечественных товаров, б) ростом инфляции из-за денежной эмиссии, обусловленной наращиванием золотова-

лютных резервов, снимающим избыток валюты с рынка, в) повышением нагрузки на бюджет, связанной со стерилизацией денежной эмиссии.

Такая модель экономики имеет ограниченные возможности в плане устойчивого подъема. Импульсы роста, генерируемые потребительским спросом домашних хозяйств (около 40% конечного спроса на товары), с трудом «конвертируются» в расширение производства из-за низкой конкурентоспособности перерабатывающих отраслей и недостатка собственных ресурсов для ее качественного обновления. Экспорт (также около 40% конечного спроса на товары) почти на 9/10 обеспечивается сырьевыми товарами, что делает его крайне зависимым от неустойчивой мировой конъюнктуры. Наконец, накопление (около 20% конечного спроса на товары) также сегодня не может играть роль локомотива подъема: инвестиционные ресурсы «заперты» в узком секторе сырьевых отраслей и частично служат источником для вывоза капитала, частично инвестируются в сам сырьевой сектор экономики за счет импорта технологического оборудования.

4. Перспективы экономического развития

В силу особенностей сложившейся модели воспроизводства перспективы развития российской экономики в ближайшие три-четыре года существенно различаются в зависимости от внешних условий и расклада сил при распределении «экспортной ренты» – доходов от сырьевого экспорта, связанных с сохраняющимся заниженным обменным курсом рубля.

Первый вариант – цены на нефть (*Urals*) снизятся до 16–18 долл. за баррель и ниже. Это маловероятно, но вполне возможно, учитывая неопределенность развития процессов, запущенных событиями 11 сентября.

Негативные последствия данного сценария связаны с тем, что падение доходов от экспорта «войдет в резонанс» с другими негативными факторами: пиковыми выплатами по внешнему долгу; необходимостью увеличения инвестиций в производственную инфраструктуру; ростом капитальных затрат в добывающих отраслях. Обострение экономической ситуации может привести к разворачиванию системного процесса по следующей схеме:

произойдет обострение борьбы за доходы экспортно-ориентированного сектора, прежде всего между государством и крупными корпорациями. Следствием станет увеличение «бегства капитала»;

усилится необходимость технологической модернизации экспортно-ориентированного сектора. В условиях снижения мировых цен такая модернизация будет осуществляться за счет внутренних потребителей сырьевых ресурсов (повышения внутренних цен на энергоносители и сырье). Это приведет к сжатию внутреннего конечного спроса;

ускорится сегментация экономики, ее разделение на экспортную составляющую (хозяйственный оборот которой будет все больше выноситься за пределы страны) и деградирующую «внутренне ориентированную экономику». Ресурсная база экономики станет сокращаться, что неизбежно отразится на доходах бюджета;

для того чтобы обеспечивать выплаты по государственному долгу в условиях су-

жающейся ресурсной базы, возникнет необходимость сократить государственные социальные расходы – перенести бремя платежей за социальные услуги с государства на население. В свою очередь это будет способствовать воспроизведению конфликта между федеральным центром и регионами;

балансирование социальных обязательств и выплат по государственному долгу потребует наращивания государственных заимствований, увеличения государственного долга. На фоне вероятного в данном сценарии снижения кредитного рейтинга России это приведет к дальнейшему росту долговой нагрузки на экономику.

Второй вариант – мировые цены на нефть (*Urals*) останутся стабильными еще два-три года – на уровне 20–22 долл. за баррель. Главные сюжеты будут разыгрываться вокруг использования «экспортной ренты» – ее распределения между экспортерами, государством и внутренне ориентированными производствами.

Конструктивный сценарий так или иначе связан с формированием каналов перераспределения экспортной ренты (в форме инвестиций) в конечные отрасли. Таким каналом могут служить либо бюджет (стабилизационный фонд, инвестируемый в экономику), либо банковская система, либо корпоративные инвестиции.

Наличие таких каналов позволяет при адекватной экономической политике государства сформировать три взаимодополняющих вектора модернизации экономики, в пространство которых вписывается наращивание адаптационного потенциала:

1) модернизация сырьевых отраслей, обеспечивающая расширение их экспортных возможностей;

2) модернизация потребительских отраслей, опирающаяся на рост доходов населения и расширение потребительского спроса;

3) модернизация инвестиционного сектора, опирающаяся на расширение внутреннего инвестиционного спроса.

Это дает шанс для формирования «спирали роста»: экспортные доходы сырьевого сектора инвестируются в перерабатывающие отрасли, а последние (по мере повышения конкурентоспособности) увеличивают вклад в покрытие внутреннего инвестиционного и потребительского спроса. Возможность такого варианта развития не в последнюю очередь будет зависеть от ряда условий, в том числе:

масштабов выплат по внешнему долгу, определяющих, в частности, уровень налоговой нагрузки на экспортеров;

повышения относительных цен на товары и услуги естественных монополий;

создания благоприятного предпринимательского климата в экономике и реформирования всей системы финансового посредничества;

эффективности государственного управления (налоги, государственные расходы, таможенная политика и др.);

результативности структурной политики, направленной на устранение «узких мест» в экономике;

поддержания равновесия между спросом и предложением денег.

При относительно мягких внешних условиях рассматриваемый вариант позволяет в 2002–2003 гг. сохранить среднегодовые темпы экономического роста на уровне 3–4% с последующим их повышением до 5% и более.